

Г 60 Голенкова А. И.
Следопыты Байкала. М., «Мысль», 1973.
188 с. с илл.; 8 л. илл.

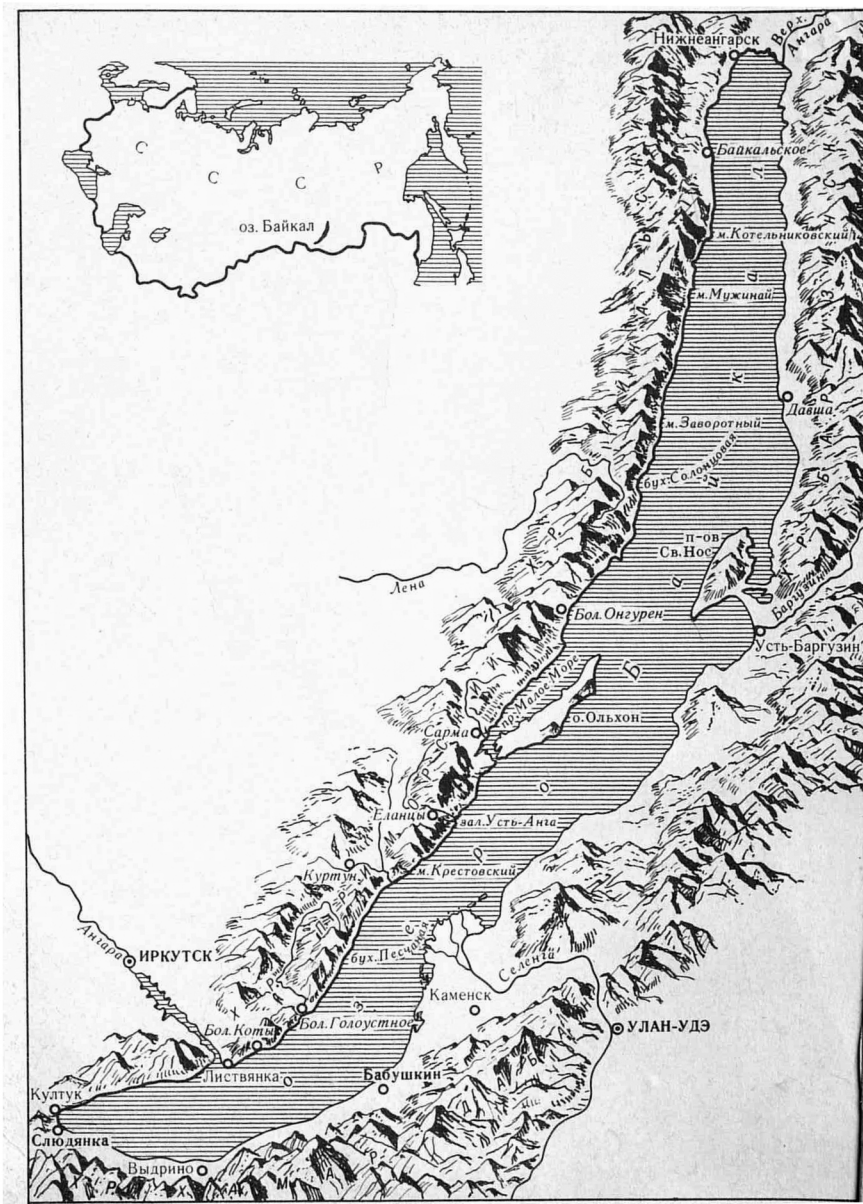
Об истории исследования и об исследователях Байкала, о природе его побережий, уникальной фауне и флоре его вод рассказывает эта книга.

Написанная на основании оригинальных материалов, архивных документов, личных встреч и впечатлений, она будет интересна массовому читателю.

Г 0281-208
004(01)-73 БЗ-28-11-73

91 (С 18)

А. П. ГОЛЕНКОВА

СЛЕДОПЫТЫ БАЙКАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА
1973

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С ЧЕГО ЭТО НАЧАЛОСЬ
(вместо предисловия)

Почему-то навсегда запомнилось это ясное утро. Байкал как на ладони километров на сто в длину. Он мирно плещется. Но у берегов повсюду белеют льды. Холодно почти по-зимнему.

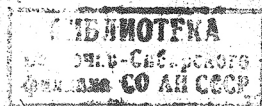
В бухте у Нижнеангарска — обледенелый пассажирский пароход «Ангара». Он отправляется в свой обратный и последний в эту навигацию рейс. По пути сюда на пароход обрушился ноябрьский шторм и вынудил его остановиться у Горемык. Деревенька эта на самом берегу подле одинокой горы, очень похожей на вулкан, особенно сейчас, когда на ее конусовидной вершине курятся облака.

Утром я выхожу к устью Кичеры и поглядываю в сторону Нижнеангарской бухты — до нее километра четыре. Там готовится к рейсу небольшое суденышко «Бенедикт Дыбовский». Путь у него дальний — через весь Байкал до южной оконечности его. «Бенедикт Дыбовский» представляется отчаянным смельчаком по сравнению с махиной «Ангарой», которой и морские просторы «по плечу». Вот он выбросил сизоватый дымок, тронулся в путь и бойко побежал по волнам. А часа через три уже дымил вдаль, приближаясь к горизонту, один-одинешенек на могучей водной шире по-осеннему коварного озера.

1*

Г 0281-208 ВЗ-28-11-73 98161 © Издательство «Мысль». 1973
004(01)-73

Было что-то символичное в этой картине. Когда-то таким же вот одиноким на водных просторах Байкала был исследователь, открывший человечеству удивительный животный мир его. Теперь бесстрашный катерок носит имя этого ученого. Я долго смотрю ему вслед и в душе горячо желаю, чтобы он не угодил в шторм.

Кажется, давно ли я со своим маленьким экспедиционным отрядом в ноябрьский праздник была в гостях на этом катере. Тогда на нем находились два сотрудника Байкальской лимнологической станции: Дмитрий Николаевич Талиев — руководитель экспедиции и Михаил Асхаев. Они не раз бывали у нас, в устье Кичеры. Дмитрий Николаевич изысканно вежлив, но прост. Он любит потолковать о научной работе, вспомнить любопытные случаи. Асхаев невозмутимо добродушен, немногословен, но слушает особенно. Он почтительно внимает речи старших коллег, знатоков байкальских рыб, Дмитрия Николаевича и начальника нашей экспедиции Кузьмы Ивановича Мишарина.

Помню, в ту последнюю встречу с ними зашел разговор о Дыбовском. Михаил слушал с благоговением. Прежде это самое выражение я замечала у Томилова и у Егорова. Они тоже чтили память Дыбовского. Их отношение к нему невольно передавалось и мне. Они уже приобщились к науке, работая в Научно-исследовательском Биолого-географическом институте при Иркутском университете. Я пока мечтала о ней, готовила и сдавала кандидатские экзамены.

В годы моего студенчества мы вели бывало нескончаемые разговоры, встретившись где-нибудь в коридоре университета. Чаще о науке и людях науки. У меня нередко появлялась потребность высказать то, что интересовало, волновало. Томилов тогда работал уже ассистентом на кафедре зоологии, а Егоров часто и подолгу был занят исследованиями на Байкале. Томилов слушал со своей неизменной улыбкой, готовый, кажется, улыбаться решительно всему. Он — само благодущие. У него хватало терпения выслушать меня до конца. Егоров обычно вначале с интересом поглядывал сверху (он был на целую голову выше), поддерживал или возражал, потом начинал проявлять признаки нетерпения. А под конец приговаривал: «Покороче... покороче». Но «покороче» в ту пору у меня никак не получалось.

Тогда мне хотелось знать решительно обо всем. Чем только я не увлекалась: и насекомыми и астрономией! А на Байкале загорелась желанием узнать все о Дыбовском.

И вот прошел почти год. Кончился срок моей работы в экспедиции. Я снова в Иркутске. Могу ехать домой. Но задерживаюсь в городе почти на месяц — такой памятный! Днями просиживала в библиотеке краеведческого музея, где хранились материалы о Дыбовском, его отчеты. Переписывала их почти целиком. В ту пору о нем не было ни одной книги. Только в шестидесятых годах появилась работа Г. А. Винкевича — пока единственная — о жизненном пути Дыбовского.

Помню, как пришла в первый раз в эту незабываемую для меня библиотеку. Не без волнения поднялась я по крутой узенькой лесенке и как-то сразу очутилась в крошечном пустом помещении. Там встретила меня старейшая работница, хранительница книжных сокровищ, Александра Николаевна Кузнецова.

После городского шума эта тишина «не от мира сего». И совершенно седая невысокая женщина с таким мудро спокойным взглядом тоже кажется «не от мира сего». Она внимательно смотрит и ждет, а я не могу толком объяснить ей, что мне нужно. Хочу взять все о Дыбовском, а вот что определено — не знаю. Лицо женщины вдруг озаряет улыбка, добрая и сочувственная. Она понимающе кивает и почти неслышно удаляется куда-то в тайники своих владений.

Я усаживаюсь за стол. Вскоре передо мной появляется тоненькая книжечка, потом еще... Испытывая невысказанное чувство благодарности к этой доброй фее, я набрасываюсь на принесенное, жадно листаю, а сосредоточиться еще не могу. Александра Николаевна следит за мной, стоя неподалеку. Снова на ее лице та же понимающая улыбка.

Не могу решить: с чего же начать? Лучше, пожалуй, с его собственного рассказа о себе, с автобиографии. Долго рассматриваю его портрет. Светловолосый... светлоглазый... правильные черты мужественного лица... Но главное — обаяние, одухотворенность. Какие пронизательные, умные глаза!.. В жизни такие люди покоряют с первого знакомства.

И вот я уже не читаю, а как бы слушаю его рассказ, безыскусственный, часто взволнованный: «Байкал, называемый туземцами «Святым морем», представлялся нам полным дивного обаяния: что-то таинственное, легендарное и какой-то необъяснимый страх связывались у всех с представлением об этом озере. Всякий раз, как мы собирались отправиться на озеро, будь то летом или зимой по льду, нам пророчили неминуемое несчастье...»

«Байкал... представлялся нам полным дивного обаяния...» Как я это чувствую! Невольно начинаю вспоминать «святое море». Вот оно синее-синее, каким виделось мне в начале лета с горы у выселка Малой Тошки. За ним далеко на северо-востоке все великолепие ослепительно сияющих белых вершин. Там первозданное нагромождение куполовидных и остроконечных громад, подпирающих небо. А противоположной стороне, в самом верховье Кичеры, между горными кряжами высится одинокая гигантская пирамида с темными четкими гранями.

А вот Байкал зимний, укрошенный льдом. Иду из Нижнеангарска к устью Кичеры. После заката солнца небо ярко полыхает, как трехцветная радуга — сине-фиолетово-малиновая. В ее отсветах и Байкал, и каменные громады за ним выглядят просто сказочными, да и само небо тоже. Тако небо я видела еще не раз, пока не миновал конец декабря — весь январь, и только на севере Байкала, хотя жила и других местах.

А в середине зимы морозным солнечным утром вдруг вижу: подле противоположного берега у самого подножия лесистых гор плывут дымчатые многоярусные корабельные паруса. Как наяву. Мираж!.. Тоже сказочно красивый.

Вот Байкал весенний. Снег почти сошел. Лед посинел. И ослепительные потоки льются отовсюду: с неба, с гор, — и с самого озера поднимается фосфоресцирующее сияние. Глазам уже не под силу это буйство света, они сами собо щурятся. Местные жители наполовину прикрывают их красными повязками, чтобы не портилось зрение.

Продолжаю читать. Нет, лучше еще раз начать снова Дыбовский — профессор. Из Варшавы. Учился в Дерптском университете. За свою первую научную работу по ихтиологии имел золотую медаль. Позже, в Берлине, защитил диссертацию и получил ученую степень доктора. Потом в Варшавском университете работал на кафедре зоологии адъюнктом. «Занимал эту должность до тех времен, пока, волею судеб, не был заброшен в девственные еще тогда места Восточной Сибири...»

А что это за «воля судеб»? За что же он угодил сюда? И снова выручает добрая моя «фея». Предо мной журнал «Природа» за 1931 год. Из него узнаю: Дыбовский был одним из самых деятельных участников в подготовке революционного Польского восстания 1863 года. После подавления восстания его приговорили к смертной казни. От неминуемой гибели он был спасен своими учителями Э. А. Грубе

К. Б. Рейхертом. Эти ученые сделали все, чтобы спасти жизнь своему выдающемуся ученику. Казнь ему заменили сибирской каторгой.

И наконец, в руках у меня редкий документ — статейный список Дыбовского. Он найден всего восемь лет назад в краевом Восточно-Сибирском архиве, в «секретном деле Главного управления Восточной Сибири о политических преступниках Бенедикте Дыбовском, Викторе Годлевском, Александре Чекановском и других».

В списке этом слева написано, что «Дыбовский Бенедикт веры католической, холост, роста 2 ар. $7\frac{3}{4}$ в., волосы на голове, бровях, усах, бороде темно-русые, глаза голубые, рот и нос умеренные, зубы все, лицо белое, лоб высокий».

Впервые встречаю такое описание внешнего облика человека. Станным и оскорбительным кажется оно. Потом внимательно вчитываюсь в то, что в списке справа:

«Прежнее состояние, вина и наказание. Из дворян, бывший проф. Варшавской главной шк. За дозволение секретарям высших революционных властей в Варшаве собираться в аудитории Дыбовского лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на двенадцать лет. Когда распределен, из дел не видно, прибыл в Иркутск 18 ноября 1864 г., отправлен в Нерчинские заводы 6 марта 1865 г., на основании высочайшего повеления 16 апреля 1866 г. срок работ сокращен на половину и по Всемиловцевскому манифесту 28 октября того же года на $\frac{1}{4}$ часть; уволен от работ за окончанием положенного срока и причислен на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа 25 октября 1868 г. На основании высочайшего повеления 25 мая 1868 г. причислен в крестьяне 16 октября 1871 г.»

Так вот какова его, Дыбовского, «воля судеб»!.. А как же он очутился на Байкале?.. Я все более открывала для себя этого удивительного исследователя, человека необыкновенной судьбы.

А потом я увлеклась историей исследования Байкала — на всю жизнь!

Как манят к себе белоснежные горные пики, так и среди людей меня неудержимо влекут, покоряют «вершины». По мере знакомства с ними одолевает желание постичь таинства их мыслей, научных поисков.

Это захватывающе и вместе с тем страшновато, как, должно быть, у альпинистов во время предстоящего штурма вершины. Но вот ты сделал первый шаг, и неведомая сила повлекла тебя дальше. И уже никакие иные желания не

властны над тобой. Впервые в этот чудесный плен я попала летом 1944 года.

А в 1969 году снова очутилась в нем, когда познакомилась с трудами И. Д. Черского, А. Л. Чекановского, В. А. Обручева, Г. Ю. Верещагина, Г. Г. Мартинсона, Е. В. Павловского и моих учителей: М. М. Кожова, В. Н. Яснитского, К. И. Мишарина.

Вторую половину 1970 и весь 1971 год я увлеченно искала материалы в архивах о выдающемся байкаловед Г. Ю. Верещагине, профессорах В. Н. Яснитском, В. Ч. Дорогостайском, Б. А. Сварчевском, штудировала их труды. Кроме того, изучала работы К. И. Мейера, Д. Н. Талиева, Л. С. Берга, Н. В. Думитрашко, частично Н. А. Флоренсова и моих учителей: Н. А. Еповой и А. А. Томилова. Летом мне посчастливилось лично познакомиться с известными геологами: Е. В. Павловским и Н. А. Флоренсовым.

Написать удалось лишь о немногих следопытах Байкала. Впереди немало работы, а пока... хочется предложить читателям эти очерки.

Много, очень много написано о самом Байкале, и, как это ни удивительно, почти ничего о тех, кто посвятил его исследованию годы и даже всю жизнь. Возможно, эта книга в какой-то мере восполнит досадный пробел.

КТО НАРЕК БАЙКАЛ?

В 40-х годах один из самых выдающихся исследователей Байкала нашего времени — Г. Ю. Верещагин писал: «Байкал называется местными жителями морем. Происхождение названия «Байкал» точно не установлено. Некоторые авторы полагали, что оно происходит от монгольских слов «байгал» («богатый огонь») или тюркского «бай-куль», что значит в русском переводе «богатое озеро». Но эти гипотезы научно достаточно не обоснованы. Байкал имеет и иные названия: так, в китайской истории он упоминается под названием «Пехай», что значит в русском переводе «северное море», тунгусы называют его «Ламу», т. е. «море», а бурят-монголы — «Далай-нор», что значит «святое озеро»».

Остальные исследователи повторяли то же самое. Академик Л. С. Берг в 1948 году, четыре года спустя после смерти Г. Ю. Верещагина, высказал иное мнение. «Впервые русские прослышали про Байкал... в 20-х годах 17-го столетия. В одном из источников, относящихся к 1640 г., приводятся расспросные сведения о Байкале: озеро это называется здесь бурятским именем Байкал...»

Время шло, а тайна названия Байкала оставалась нераскрытой и продолжала волновать умы исследователей.

Забили тревогу. Пришел Д. Н. Талиев. Выломали дверь. Сердце больного еще билось, но сознание было потеряно. Через четверо суток Глеб Юрьевич, не приходя в себя, скончался. Похоронили его на кладбище, расположенном на горе, у самого обрыва, откуда открывается восхитительный вид на всю южную оконечность Байкала и величественный хребет Хамар-Дабан за ней.

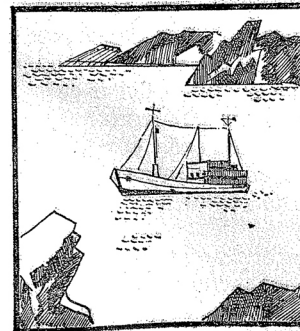
Почти два десятка лет Глеб Юрьевич безаветно отдал изучению Байкала, продолжая дело своего учителя В. И. Дыбовского. Трудился так же одержимо, не зная отдыха, а в последние месяцы едва урывал для сна часа четыре, не более. Перед кончиной работал всю ночь напролет, печатая рукопись своей популярной книги «Байкал». По словам М. М. Кожова, он умер, как солдат на посту.

Среди байкаловедов XX века Михаил Михайлович Кожов был одним из трех, посвятивших всю свою жизнь до последних дней изучению Байкала и университету в Иркутске. В этот «триумvirат» входил еще профессор В. Н. Яснитский и здравствующий ныне 78-летний профессор К. И. Мишарин.

Родился и вырос Кожов сравнительно неподалеку от сибирского великого «моря», в небольшой деревне Тутуре, в нескольких километрах от Жигалово. Ныне Жигалово — районный центр, крупный рабочий поселок. Тутура довольно живописно раскинулась в широкой долине между невысокими лесистыми горами, упираясь одним концом в Лену. Здесь река светлоструйная и спокойная, под стать окружающим горам, плавных очертаний. А километров двести вверх Лена стремительна, говорлива на перекатах с ее хрустальными водами.

От природы любознательный, Кожов, должно быть, еще с детства полюбил родные места. С десяти лет он уже начал охотиться. Мне приходилось слышать, что еще в пору своего учительства в родной Тутуре он увлеченно ловил бабочек, собирая коллекции.

Детство у него было нелегкое. Десяти лет потерял отца. Пришлось работать. Разносил почту, «писа-

рил» в волостном правлении. И только самоучкой продолжал образование. Ему было уже за двадцать, когда смог экстерном сдать экзамены на звание учителя начальных классов. Пришлось ехать за полтораста верст в Верхоленск, где находилось городское училище. После того две зимы учительствовал в своем селе. А летом урывал свободные минуты, чтобы побыть на природе, понаблюдать.

Все оборвала империалистическая война. Его сразу же забрали в армию, в двадцать седьмой сибирский полк. С ним попал на фронт. А после Октябрьской революции, оставаясь в армии, продолжал учительское дело. Вначале в полковой солдатской школе начальником ее, а потом в дивизионной.

Весна восемнадцатого года застала его в Тутуре — опять учительствовал. Только недолго в этот раз. Осенью Колчак мобилизовал в свою армию. Сбежал из нее в Красноярск. Но там снова угодил в руки колчаковцев, опять оказался мобилизованным. Только вместе с тридцать первым запасным полком удалось ему перейти на сторону красных.

В конце гражданской войны Кожов инструктор в Верхоленском уезде. В уезде тревожно: то и дело поднимают голову бывшие белогвардейцы, богачи. Живется трудно, голодно. Работы и хлопот у школьного уездного инструктора, как говорят земляки, «сверх глаз».

Но увлеченность природой у него не проходит. Не оставляет и мечта о дальнейшей учебе. Получить бы высшее образование! А после заняться изучением родных сибирских мест. К его счастью, в 20-х годах в Иркутске был открыт университет. Теперь Кожова ничто удержать не может, даже возраст — ему исполнилось тридцать. В 1921 году он становится первокурсником биофака.

Окончил университет и сразу же поступил в аспирантуру. Перед ним распахнулись двери в науку. Еще в студенческие годы Кожов попал в добрые руки Б. А. Сварчевского. О нем Михаил Михайлович писал в некрологе: «За время пребывания в Иркутске Б. А. сумел вокруг себя и своей кафедры объединить молодых начинающих работников, которые с гордостью считают и будут считать себя его учениками. Отличаясь большой настойчивостью и строгостью в своих требованиях к ученикам, Б. А. сначала иногда отпугивал от себя начинающих, но зато те, кто выдерживал «первый иску», уже не выходили из его кабинета, не выполнив вполне законченной исследовательской работы, так как под этой строгостью ученого в Б. А. проглядывала глу-

М. М. Кожов

бокая доброта и искреннее сочувствие ко всем, кто серьезно и добросовестно начинал работать, и для таких уже не было от него отказа в советах и указаниях, в поощрении и в снабжении собственными приборами и литературой. Последнее было особенно важным, так как в первые годы создания лабораторий Иркутского университета специальная научная литература и руководства почти совсем отсутствовали и лишь благодаря богатой личной библиотеке и лаборатории Бориса Александровича было возможно выполнить в те годы научные исследования».

Кожов оказался в числе тех, если не первым, кто получил доступ и в лабораторию, и в библиотеку Бориса Александровича. А вскоре почувствовал его особую опеку. В 1924 году профессор передает студенту-четверокурснику свою небольшую коллекцию губок, собранных в окрестностях Иркутска, для обработки и описания.

Чтобы пополнить полученную от Сварчевского коллекцию, Кожов летом отправляется вниз по Ангаре к устью

Унги. Находит до двух десятков губок разных форм. Первая самостоятельная поездка — первая удача! После нее едет на южный берег Байкала. Ведет поиски от станции Кулгучной до Мурино. Ищет упорно, но впустую. В чем же дело? Наконец понимает: «Все эти речки имеют типично горный характер, весьма бурны, особенно после дождей и, очевидно, мало благоприятны для заселения и развития в них таких хрупких организмов, как губки». После этого ищет уже не вслепую и вполне вознагражден. Собственного материала в его руках скапливается достаточно, кроме того, Борис Александрович дополнил его несколькими губками, найденными в то же лето в старице Иркутта, да П. В. Тихомиров передал свои сборы из реки Мальтинки.

Кожов принялся за обработку коллекции. В ней было восемьдесят семь экземпляров, причем разных видов и разновидностей. После кропотливой длительной работы сделал описание результатов по всем правилам. Статью назвал: «Очерк по фауне пресноводных губок Иркутской губ. и Прибайкалья». Свою первую научную работу он закончил словами: «Несомненно, что эти «материковые» байкальские формы попали в Байкал из впадающих в него речек, но здесь, под влиянием особых условий, они изменились настолько, что лишь с большим трудом можно проводить какую-нибудь аналогию между ними и формами, живущими рядом с ними на материке». Работу напечатали. Первый шаг в науку сделан! В начинающем исследователе определилась «поступь» будущего крупного ученого. В 1925 году он провел все лето на Байкале в составе экспедиции. Первая в его жизни! Тоже незабываемая. С этого года он как ученый связал судьбу с Байкалом до конца дней своих.

Экспедиция была организована Биолого-Географическим научно-исследовательским институтом при Иркутском университете. Работы велись в районе Ольхонского пролива, его бухт и прилегающих частей Малого моря. Молодые сотрудники В. Буров, М. Кожов увлеченно занимались исследованием животного мира, а В. Яснитский изучал растения пролива. Здесь они открыли особую жизнь, так не похожую на жизнь в открытом озере.

Первые экспедиционные исследования на Байкале навели Кожова на серьезные размышления. Особенно заинтересовали его моллюски. Оказалось, «типичная форма Л. сатирикус указывается, по-видимому, пока лишь для М. моря. Другие формы сатирикус встречаются к северу, и нам неизвестно ни одного указания на нахождение их южнее Оль-

хонского пролива, с одной стороны, и Чивыркуйского залива — с другой. Примерно то же самое можно сказать и о распространении Агриодрилюс вермиворус. С другой стороны... мы не находим в Ольхонском проливе и в М. море, а также к северу от него такого характерного байкальского эндемика, как моллюск Лиобайкалия стидэ, свойственного лишь южной части Байкала». Не ведал он тогда, что со временем знаменитая Лиобайкалия станет для него предметом пристального внимания, раздумий и волнений.

«Все приведенные здесь факты показывают, что фауна Байкала к югу от М. моря в общем заметно отличается от фауны М. моря, а эта последняя стоит ближе в общем к северобайкальской, чем к южнобайкальской, т. е. намечается какая-то «граница» между северной и южной частями Байкала, которая проходит для западного берега у Ольхонских ворот...

Существование указанной «границы» говорит как будто за то, что, может быть, в недалеком прошлом фауна южной и северной части Байкала оставались некоторое время изолированными друг от друга. Но понятно, что более уверенное заключение об этом может быть сделано лишь после детального ознакомления с характером фауны всего Байкала и сравнительного изучения условий жизни обитающих в разных его районах животных форм. Богатый материал, имеющийся по этому вопросу в Академии наук СССР и в других учреждениях, в том числе и у Биолого-Географического института, находится в настоящее время еще в стадии обработки». Вот как прозорливо он заглянул в прошлое изучаемой фауны, едва начав свою биографию ученого!

Уже при первом основательном знакомстве с Байкалом М. М. Кожов открыл в нем «золотую жилу», разработке которой посвятил годы. А в итоге написал монографию «Моллюски озера Байкал». Но прежде, закончив в 1929 году аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «К познанию фауны Байкала, ее распределения и условий обитания».

С 1931 года начался стремительный подъем по «служебной лестнице». После смерти Сварчевского Кожов принял заведование кафедрой зоологии беспозвоночных, стал директором Биолого-Географического научно-исследовательского института при Иркутском университете. Институтом руководил беспрерывно тридцать два года, а кафедрой — тридцать семь лет.

В 1932 году Михаил Михайлович получил звание профессора. А через пять лет защитил докторскую диссертацию: «Моллюски озера Байкал». Работа над нею привела к определенным теоретическим выводам. Например, к тому, что в прошлом Байкал не был единым водоемом — северная и южная его половины долго оставались разобщенными — и что моллюски Лиобайкалии, сидящие в раковинах, удивительно напоминающих штопор, возникли в самом сибирском «море»; вне его на земле они не встречаются. Хотя доказательства Михаил Михайлович пока не имел, он не сомневался в «местном» происхождении Лиобайкалии. Предки ее тогда еще не были найдены. Другие палеонтологические находки того времени были слишком бедны, они мало о чем «говорили». Приходилось терпеливо ждать новых.

Видимо, работая над своей докторской диссертацией, М. М. Кожов «заболел» проблемой происхождения животного и растительного мира Байкала.

Мне довелось слушать лекции Михаила Михайловича в 1936 году. Высок, по-юношески строен, собран, сдержан в словах и жестах. Его черные волосы вились крупными кольцами над высоким лбом. Взгляд карих открытых глаз обычно бывал серьезно сосредоточенным. Он привлекал той внутренней красотой мысли, что ли, следы которой отражались обычно на его лице. Именно следы. За ними угадывалось нечто большее, но скрытое от посторонних глаз.

Пришлось мне быть невольной свидетельницей того, как он трудился. Будучи студенткой второго курса, я стала работать в лаборатории генетики М. А. Иванова. Частенько я засиживалась одна до полуночи, а ранее одиннадцати никогда не уходила.

Уходя из лаборатории, нередко видела, как Михаил Михайлович закрывает свой кабинет и, не замечая ничего вокруг, неторопливо спускается по лестнице, охваченный какими-то думами. Он продолжал трудиться «на ходу» после своего второго рабочего дня, а первый был заполнен чтением лекций, административными делами и часто работой с микроскопом.

В дневные часы мне не однажды приходилось навещать к нему в просторный кабинет, заставленный шкафами вдоль стен и несколькими столами посередине. За последним он работал. Обычно заставала одно и то же: над микроскопом склоненная голова Михаила Михайловича, кудри спадают на лоб. При появлении постороннего голова

приподымается, рука не спеша характерным движением сдвигает очки на лоб. На лице такое выражение, будто человек еще не совсем очнулся от каких-то увлекательных видений. Но не досадует, что помешали. Терпеливо ждет, зачем к нему пожаловали. Едва окончив разговор с неожиданным посетителем, Михаил Михайлович водворяет очки на место, один глаз прищурен, второй припал к окуляру, и голова вновь замирает над микроскопом. Таким он и запомнился.

Уже на четвертом курсе мне довелось монтировать насекомых, собранных на летней практике. Я занималась в укромном уголке Байкальского музея, отгороженном двумя шкафами у стены, смежной с кабинетом Михаила Михайловича. Снова засиживалась допоздна. Иногда выходила через профессорский кабинет, если дверь в музей успевали запереть из коридора. Снова видела склоненную над микроскопом голову Михаила Михайловича. На висках ее начала уже пробиваться седина.

Сидя за шкафом, как-то вечером услышала хохот Михаила Михайловича. Он был раскатистый, громкий. Ко мне из-за двери его кабинета отчетливо неслось безудержное «ха-ха-ха!». Это он с кем-то из сотрудников. Будто и сейчас слышу это раздельное «ха-ха-ха!». А вот улыбки его не помню.

Над чем он в те дни работал, размышлял? Не подозревая того совершенно, я, оказывается, была современницей больших научных событий, которые происходили в тиши профессорского кабинета и на берегах Байкала. Тот самый Г. Г. Мартинсон, который разочаровал своими находками профессора Верецагина — ископаемые моллюски оказались не морскими, — отправился с ними к профессору Кожову. Вот как он описал эту встречу: «Когда, войдя в его огромный кабинет в Иркутске, я показал ему найденных третичных байкалиид, он прямо-таки подскочил. С большим вниманием он рассматривал под биноклем окаменелости. Кожов сразу понял огромное значение находок. В своих ранних работах этот ученый высказывал соображения, что байкалииды возникли в самом Байкале, ибо в иных водоемах они отсутствуют. Ископаемые байкалииды мало чем отличались от современных форм и были поэтому особенно интересны Михаилу Михайловичу. «Это действительно самые настоящие байкалииды! — говорил профессор, — вот бы еще найти штопоровидную раковину Лиобайкалии!» Это его пожелание я мог удовлетворить и, вынув из коробочки

третичную Лиобайкалию, положил ее под лупу. Тут Михаил Михайлович пришел в полный восторг».

В восторг привели Кожова не только находки ископаемых моллюсков на юго-западном побережье Байкала. Мне представляется, как за год до Г. Г. Мартинсона в кабинет Михаила Михайловича влетел его бывший ученик Ф. Б. Мухамедияров, начальник экспедиции, побывавший на Ципо-Ципиканских озерах. Размахивая руками и вытирая от волнения платком пунцовое лицо, он заговорил радостно-возбужденно. За ним вошел, улыбаясь, и встал тихонько в сторонке сотрудник экспедиции «молчальник» Г. Гаврилов. Путешественники выложили перед своим учителем бычков Кесселери и Кнери из рода Коттус, известных до того только в Байкале да в реках, связанных с ним. Кроме того, они передали много проб, взятых со дна озер Баунт и Бусани, расположенных в верховье Витима.

Дальше было вот что, как рассказал мне о том А. А. Томилов:

— Привезенные пробы уложили здесь вот в такой «гроб», — он показал на крашенный металлический ящик с черной надписью «Вентос». — А потом началась война — не до них было...

Первой заинтересовалась этими пробами А. А. Линневич. Она искала в них личинок хирономид (комаров толкунцов). И вдруг обнаружила существо ей мало знакомое. Сидело оно в малосенькой трубочке, само миллиметра три в длину, а на переднем конце его венчик из жабр. Понесла она находку профессору Кожову.

Едва рассмотрел его Михаил Михайлович, как пришел в восторг. Это был малоцетинковый червь Манаюнкия байкалензис, тот самый знаменитый, из-за которого ученые годами ломали копья в яростном споре. Все родичи его живут в соленых или морских солоноватых прибрежных водах. Манаюнкия байкалензис водилась только в Байкале — в глубине Азиатского материка. Она стала настоящим яблоком раздора для ученых, потом ее обнаружили в Ангаре, нашли в морской Гыданской губе между Обью и Енисеем, затем в 1940 году — в озерах Хайсенто и Ямбуто, расположенных в 100—150 километрах к югу от Гыданской губы.

После обнаружения Манаюнкии в пробах из озер Баунт и Бусани (бассейна реки Ципы и Ципикана) их начали тщательно изучать. В 1942 году Кожов напечатал статью. В ней он писал: «Сравнение полихеты из Ципо-Ципиканских озер с байкальской М. байкалензис указывает на не-

сомненную принадлежность ее к байкальскому виду. Эта находка представляет значительный зоогеографический интерес, так как М. байкалензис до сих пор ни в одном из озер Забайкалья и Прибайкалья не была найдена». Редкая находка навела Кожова на серьезные раздумья: «Можно было бы предположить, что наличие М. байкалензис в Ципо-Ципиканских озерах указывает на когда-то бывшее широкое распространение этого вида и его ближайших родственников в пресных водах Азии; в настоящее же время они сохранились лишь в немногих местах.

Мнение о широком распространении в плейстоценовое время М. байкалензис уже давно было высказано Л. С. Бергом. Логическим следствием такого взгляда было бы допущение, что М. байкалензис в озерах Баунт и Бусани является остатком широко распространенной неогеновой фауны Евразии и, в частности, Сибири, вымершей всюду, кроме немногих мест. Однако такое решение вопроса о М. байкалензис, как и многих других элементов коренной байкальской фауны, по моему мнению, вряд ли является правильным. Современное распределение видов рода Манаюнкия, как правильно отмечает Г. Ю. Верещагин (1940), говорит о более сложной истории всей этой группы.

Вполне вероятен взгляд Л. А. Зенкевича (1935), что родиной Манаюнкии были древние внутренние моря Средней Азии, постепенно опреснявшиеся. Одна из ветвей этого рода проникла отсюда в Каспий и далее на запад, другая пока мало ясными путями достигла Байкала...

Возможно, что одним из средств распространения Манаюнкии служили реки. Примером такой возможности может служить тот факт, что по системе Ангара — Енисей М. байкалензис проникла из Байкала к сибирскому побережью Ледовитого океана. Но едва ли реки были единственными путями расселения. Такое поведение Манаюнкии в настоящее время не говорит в пользу широкого распространения ее в прошлом, а скорее указывает на специфичность всей группы, еще не потерявшей тенденции к обитанию в солоноватых или пресных бассейнах крупного масштаба. Если это так, то М. байкалензис, обитающую в озерах бассейна Витима, следует считать остатком специфической байкальской фауны, но не остатком широко распространенной древней пресноводной фауны Сибири». Это был прямой вывоз академику Л. С. Бергу.

В истории науки не однажды случалось так: выскажет один из корифеев собственное мнение, остальные подхватят,

слепо веря его авторитету. И пройдет немало времени, прежде чем поймут, что новый взгляд был ошибочным во всем или в частностях.

Вот и в поисках древних корней животного мира Байкала... Большой авторитет и знаток происхождения фауны Палеоарктики Л. С. Берг свыше полувека назад начал утверждать: в животном мире Байкала нет морского элемента, кроме недавно переселившихся из Ледовитого океана омуля и нерпы. Байкальская же фауна состоит из остатков третичной — теплолюбивой пресноводной, когда-то широко распространенной в Европе, Сибири, Северной Америки, и организмов, развившихся в самом озере за долгую жизнь его.

Но пришло новое поколение зоологов. И в нем Михаил Михайлович Кожов. И вот, оказывается, о чем он думал еще в 1936 году: «Однако предположение, что фауна Байкала... это преимущественно реликтовая плиоценовая... не может, по нашему мнению, служить единственной путеводной нитью в поисках корней ее отдельных групп и выяснения их истории».

А не может потому, что в недавние времена обнаружены ископаемые остатки губок Любомирскийид и моллюсков рода Байкалия из пластов более древних, чем плиоценовые. Самое удивительное то, что они решительно ничем не отличаются от современных своих сородичей и не были найдены в пластах плиоценовых или более поздних. Вывод-то напрашивался сам собой.

Михаил Михайлович выразил его такими словами: «Все это дает право заключить, что уже к середине третичного периода байкальская фауна была в основном не только сформирована, но и обособлена, т. е. ограничена районом Байкала или водоемов, непосредственно или преемственно с ним связанных».

Выходит, корни байкальской фауны куда более древние, чем предполагал Берг. Но ведь он приводил немало примеров родства нынешних байкальских животных с плиоценовой фауной бассейнов Евразии и Северной Америки. Как быть? Михаил Михайлович изучает самым скрупулезным образом внутреннее строение тех моллюсков, на которых указывал Берг как родственных каспийским и другим. Корпел не один. Ему помогали его ученики. Выяснилось, что родства-то на самом деле нет.

Но... Михаил Михайлович признавал: «Имеются отголоски родства между современной фауной гаммарид Байкала

и Каспия, между видами полихет рода Манаюнкия... между байкальскими моллюсками семейства Бенедиктине и родом Литоглифус из водоемов Юго-Восточной Европы, связанных с Понто-Каспийским бассейном». В отличие от Берга он не считал, что в Евразии во времена плиоцена везде в континентальных водах водились эти животные. А потом-де в ледниковое время вымерли повсюду, кроме Байкала да Понто-Каспия. Нет, Михаил Михайлович убежден: корни этого родства уходят в более глубокую древность.

Плиоцен — это ярус верхнетретичного периода кайнозойской эры. А с начала этой эры минуло уже шестьдесят миллионов. Значит, потомки байкальских эндемиков «имеют за плечами» десятки миллионов лет. В этом Михаил Михайлович уверен был абсолютно, разделяя мнение Г. Ю. Верещагина.

Несмотря на то что М. М. Кожов почти всю жизнь «болел» проблемой происхождения животного мира Байкала, он не смог создать собственную оригинальную теорию. Может, потому, что другие в этом опередили его. На склоне лет он целиком разделял точку зрения Л. С. Берга о пресноводных корнях байкальской фауны. По словам А. А. Томилова, Михаил Михайлович «был более убежден в том, что истоки эндемичной фауны Байкала лежат в глубине миллионов лет существования самого озера без всякой связи с морем».

...После Отечественной войны до конца жизни Михаил Михайлович не выпускал пера из рук. В этот период им написаны самые крупные работы обобщающего характера, подводящие итог труда байкаловедов за целые периоды. Это популярная книга «Байкал и его жизнь», монография «Животный мир Байкала» и выдающийся труд «Биология озера Байкал». В последнем дано обозрение всего сделанного за историю исследования озера до 60-х годов нашего столетия. Книга была переведена на английский язык и получила широкий отклик во всем мире.

Кроме литературного труда М. М. Кожов в послевоенные годы занимался изучением байкальского планктона — сообщества мелких и микроскопических существ, парящих в толще воды. Байкальский планктон был основательно изучен еще до 1930 года известными альгологами (специалистами по водорослям) К. И. Мейером, В. Н. Яснитским, частично А. П. Скабичевским — начинающим в то время ученым. М. М. Кожова планктонные организмы интересовали прежде всего как корм рыб, особенно омуля, его запасы и

урожайность по годам. Он получил «ряды урожайности фито- и зоопланктона, пока единственный материал для установления связей с геофизическими факторами, позволяющими осуществить прогноз». И в том его особая заслуга.

В последние годы жизни Михаил Михайлович занялся исследованием непривычным — о влиянии проток на фауну Байкала. В очередном годовом отчете, законченном за несколько дней до смерти, он писал: «Байкал с его красочной природой, кристальной чистотой вод и уникальностью органического мира целесообразно использовать не для развертывания химической промышленности, а как источник чистой воды, а также для нужд туризма и отдыха трудящихся... Байкал должен быть сохранен для будущих поколений как неповторимое явление на нашей планете». Эта его мечта воплотилась в жизнь. В июне 1971 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мероприятиях по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств бассейна озера Байкал.

4 ноября 1968 года М. М. Кожова не стало, но и после смерти Михаил Михайлович не расстался с Байкалом — он покоится на берегу его, в Больших Котах, где в молодости вместе с рабочими строил и оборудовал исследовательскую станцию — любимое детище свое.

Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1861.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

Винкевич Г. А. Б. И. Дыбовский (основные этапы жизни и деятельности). Иркутск, 1961.

Верещагин Г. Ю. Происхождение и история Байкала, его фауны и флоры. — «Труды Байкальской лимнологической станции», т. 10, 1940.

Верещагин Г. Ю. Отчет о работах, проведенных на Байкале во время командировки от Императорской Академии наук летом 1916 года. — «Труды по изучению Байкала», т. 1, 1918.

Верещагин Г. Ю. Характеристика озер мира (к работам по Кладочера). Рукопись. Архив СО Академии наук СССР, ф. 11, ед. хр. 100.

Верещагин Г. Ю. Основные пути разработки и корня разногласий в вопросе о происхождении фауны и флоры Байкала. Рукопись. Архив СО Академии наук СССР, ф. 11, ед. хр. 79.

«Дневник доктора Бенедикта Дыбовского от 1862 по 1878 год». Львов, 1930. (Рукописный перевод отдельных глав М. Я. Бушман).

Дыбовский В. и Годлевский В. Об измерении озера Байкал. — «Изв. Сиб. отд. Географич. общ.», т. 2, вып. 5, 1871.

Дыбовский В. и Годлевский В. Этюды юго-западной оконечности Байкала. — «Изв. Сиб. отд. Географич. общ.», т. 1, вып. 2—3, 1870.

Дыбовский В. Рыбы системы вод Байкала. — «Изв. Сиб. отд. Географич. общ.», т. 7, № 1, 1876.

Дыбовский В. И. Автобиография. Юбилейный сборник Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1901.

Дыбовский В. И. Гаммариды озера Байкал. — «Изв. Сиб. отд. Географич. общ.», т. 6, № 1, 1875.